

О СМЕШЕНИИ НЁБНОПАЛАТАЛЬНЫХ И ДЕНТАЛЬНЫХ В БАЛТИЙСКИХ И СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

*Работа представлена кафедрой общего языкознания
Санкт-Петербургского государственного университета.*

Научный руководитель - доктор филологических наук, профессор Л. Г. Герценберг

Настоящая статья посвящена не совсем обычному фонетическому явлению, имеющему место в балтийских и - менее выражено - в славянских языках, а именно смешению нёбнопалатальных и дентальных согласных перед гласными переднего ряда и в различных сочетаниях. Данное явление восходит, по крайней мере, к эпохе становления прабалтийского и праславянского консонантизма, но находит отражение и в современных языках и говорах. В статье предлагается объяснение того факта, что на развитие праславянского языка данное смешение не оказало такого влияния, какое оно оказало на развитие прабалтийского языка.

Ключевые слова: смешение нёбнопалатальных и дентальных, прабалтийский консонантизм, праславянский консонантизм, «смешение» рефлексов, ассимиляция и йотация.

The present paper deals with guttural and dental consonants mixing before front vowels and in other combinations, which is a rare phonetic phenomenon found in Baltic and - less markedly - Slavonic languages. The phenomenon dates back at least to the age of formation of the Proto-Baltic and Proto-Slavic consonant systems but has found reflections in the modern languages and dialects. The paper suggests an explanation to the fact that the phenomenon of mixing was not so significant for the evolution of the Proto-Slavic language as it was for the Proto-Baltic.

Key words: guttural and dental consonants mixing, Proto-Baltic consonant system, Proto-Slavic consonant system, mixing of reflexes, assimilation and jotation.

Введение

Так называемое смешение и сходное поведение *k, g / t, d* в балтийских языках давно замечено лингвистами, при этом оценивалось оно и как чрезвычайно важный, и как совершенно обычный фонетический процесс¹.

В частности, для всех балтийских языков характерен необычный переход **tl > kl, *dl > gl*², не получивший убедительного объяснения: лтш. *aukla* 'веревка' (< **autla*, ср. *aut* 'обувать'), лит. *auklė* 'портянка', др.-прус. *auclo* 'обороть'; лтш. *egle* 'ель', лит. *egle* 'то же', др.-прус. *addle* 'то же', ср. праслав. **jedlb* 'то же'; лит. *gerkle* 'горло', др.-прус. *gurcle* 'зоб', ср. пол. *gardlo* 'горло'.

Целью настоящей статьи является рассмотрение наиболее важных проявлений данного смешения и сравнение данных балтийских языков с аналогичным славянским материалом.

Переход **tl > kl, *dl > gl*

Переход **tl > kl, *dl > gl*, вероятно, имел место еще до появления значительных отличий между балтийскими диалектами, поскольку прабалтийские сочетания **tl, *dl* дали один и тот же рефлекс во всех балтийских языках, притом что рефлексy, например **tj, *dj*, сильно отличаются (по-видимому, это вообще единственный случай, когда прабалтийское сочетание имеет одно и то же развитие во всех известных балтийских языках). С другой стороны, для прусского возможен двойной вариант (ср. *auclo - addle*), что, вероятно, отражает некоторые диалектные различия.

При внимательном изучении славянского материала можно обнаружить остатки подобного процесса и здесь, ср. праслав. **jedlb* 'ель', словен. *jegla* 'сосна', *non.jodla, jedlina*, а также *jegla, jagla* 'пихта', ст.-бел. *едла, едлина* 'ель'. Значение, как видим, варьируется по языкам при сохранении общей семы 'хвойное дерево', что может указывать на древность перехода в славянском, тем более что сочетание **dl* обычно либо сохранялось (у западных славян), либо те-

ряло первый компонент (у восточных и южных славян). Ст.-бел. *едла*, возможно, является полонизмом, но это не очевидно, так как значение польского *jodla* и старобелорусского *едла* не совпадает, а значения праславянского **jedlb* и старобелорусского *едла* тождественны. Отметим однако, что наряду с утратой компонента *d, t* в сочетаниях **dl, *tl* известны переходы **dl, *tl > gl, kl* в регионах Пскова и Новгорода, возможно, диссимилятивного характера³.

Есть основания и для постулирования обратного процесса либо наличия дублетов. Рассмотрим, например, ст.-бел. *мдлый* (*мглый, мкглый*) 'слабый, вялый', *мдлети* 'ослабевать, терять сознание' - совр. бел. *млець* и ст.-бел. *творидло* 'форма для производства сыра' - пол. *wardg* 'сыр'.

Фонетические законы белорусского языка устанавливают единственный возможный путь образования: *млець < мдлети < мдлый*. Поскольку отношения типа *мдлети < мглый* (*мкглый*) не могут иметь места, то *мглый* (*мкглый*) либо являлся дублетом *мдлый* и был затем вытеснен последним (возможно, по причине отсутствия производных от него), либо предшествовал ему: *мглый* (*мкглый*) *> мдлый*, т. е. *gl > dl*.

Так как обозначение для сыра, вероятнее всего, появилось раньше обозначения приспособления для его приготовления, то образование формы *творидло* можно представить следующим образом: **творог > *творигло > творидло*, т. е. опять имеем переход *gl > dl*. Таким образом, направление воздействия может быть различным, и следует говорить скорее о взаимовлиянии рассматриваемых звуков, хотя первоначальным, по-видимому, был переход **dl, *tl > gl, kl*.

Приведенные примеры не очень надежны, так как сочетание *dl* может быть указанием на то, что слова заимствованы из польского языка. Однако даже если *мдлый* является заимствованием, это не объясняет наличие дублета *мглый*. Что касается слова *творигло*, то обнаружить соответствие в старопольском нам не удалось; кро-

ме того, в данном случае суффиксом является *-l-*, а не *-dl-*.

Чередования *t // k, d // g* в других сочетаниях

Чередования *t // k, d // g* могли происходить не только в сочетаниях **tl, *dl*, ср. ст.-бел. *звядути* 'поссорить' - *звазненне* 'ссора' (переход *g > z* гораздо более вероятен для белорусского, нежели *d > z*, что позволяет предполагать наличие однокоренного с *g*, ср. совр. бел. *звяга* 'ругань, надоедливость').

Хотя для балтийских языков более характерно направление *t > k, d > g*, нежели наоборот, обратный переход здесь может иллюстрировать, в частности, прусск. *klente* 'корова', вероятно восходящее к **klenk-ia* с переходом *k' > t'*, ср. праслав. *kleka, klcǎ* 'тошная, старая корова' < **klek-ia**.

В диалектах латышского языка встречаются формы типа *aĩškirknis* < *aĩškirtnis* 'отнятый от груди младенец', *vibuokne* < *vibolne* 'попынь'⁵ с переходом *t > k, d > g* в сочетаниях **tn, *dn* и др.

В небольшой части литовских говоров южноауштайтского диалекта, а также в литовских говорах на территории Белоруссии отмечается смешение *t // k, d // g* перед гласными переднего ряда, например, *giena* {*diena* 'день'}, *kiltas* (*iltas* 'мост')⁶. Чаще всего направление смешения таково: *d > g, t > k*. Однако примеров обратного направления, т. е. *g > d, k > t*, также достаточно много, например: *delu* (*geliu* 'цветов'), *telu* (*keliu* 'путем').

Часть таких примеров можно объяснить ассимиляцией и диссимиляцией (*kakinas* < *katinas* 'кот', *gegutn* > *degute* 'кукушка'), однако большая часть примеров до сих пор не получила объяснения. Т. М. Судник⁷ высказала идею о том, что такое смешение является вариацией так называемого дзукавимаса (лит. *dziikavimas*): изменением *t, d* перед *i, ie* не только в *s, dz* (как это обычно происходит), но и в *k, g*. Однако это не объясняет ни изменения в обратном направлении, ни смешения указанных звуков перед другими гласными переднего ряда. Кро-

ме того, если явление действительно восходит к прабалтийской эпохе, ареал его распространения мог быть значительно шире, а значит, то, что в настоящее время это явление сохранилось в «дзукающих» говорах, может быть чистой случайностью.

«Смешение» рефлексов

Можно наблюдать и определенное «смешение» рефлексов *t, d* и их сочетаний с другими звуками как в балтийских, так и в славянских языках.

С рефлексом *Ч*/совпало, например, преобразование группы **kt* перед **i*; восстанавливается промежуточный этап **kti > *tti: *noktb > бел. ноч, рус. ночь, укр. ніч, польск., чеш., словац., с-л. noc, ст.-слав. нощь, болг. нош, мак. нок, серб. ноН, хорв. ноć, словен. noc̣*. Во всех диалектах праславянского языка одинаковый рефлекс получили сочетания **skj* и **stj, *zgj* и **zdj*: *ниск - нищу, пост - выращиваю*. В восточнославянских языках рефлекс сочетаний **tl, *dl* совпали с результатами первой палатализации заднеязычных, в западнославянских - с результатами второй. Подобные пересечения рефлексов обнаруживаются и в балтийских языках, ср. лтш. *svece* 'свеча' (праслав. **sveŋja*) и лтш. *Idcis* 'медведь' (лит. *lokyš* 'то же'), лтш. *cits* 'другой' (лит. *kitas* 'то же') и латыш. *vecs* 'старый' (< **vetsas*).

С другой стороны, наблюдается тенденция к разграничению указанных рефлексов: пол. *docent - docenci* [c] 'доцент - доценты', но *Polak - Polacy* 'поляк - поляки'; *piekq - piecze* 'пеку - печет', но *miotę - miemie* 'мету - метет'. Наличием такой тенденции можно объяснить, например, избегание закономерного для белорусского как восточнославянского языка *цвяток* 'цветок' и замену его на *кветка, краска* 'то же', поскольку в противном случае рефлекс в словах *цвяток* (< **kv*) и, например, *цверды* 'твердый' (< *tv*) никак не разграничивались бы. При наличии и *k > s, Ht > s* в латышском с перед глагольным окончанием всегда свидетельствует о *k* в инфинитиве и т. д.

Своеобразные отношения $t // k, d // g$ можно наблюдать в примерах типа лтш. *tīeš* 'страдает' - лит. *kenčia* 'то же' и бел. *рушыік* 'полотенце' - пол. *ręcznik* 'то же'. Противопоставление рефлексов \check{s} и \check{s}' в первом случае является результатом развития сочетания $*tj$, а во втором - палатализации k . В данном примере отношения $k, g / t, d$ выходят за пределы близкородственных языков.

Ассибиляция и.-е. нёбнопалатальных и йотация дентальных

Таким образом, взаимодействие рассматриваемых звуков нередко можно описать в пределах процессов палатализации заднеязычных и йотации и палатализации дентальных. Данные процессы в ходе развития языка могли происходить неоднократно, но для объяснения их взаимодействия следует обратиться к самым первым, т. е. к процессу перехода в прабалтийском и праславянском и.-е. $*k', *g'$ в щелевые и к процессу йотации $*t, *d$.

Важным здесь является тот факт, что, каким бы образом мы ни восстанавливали ход данных процессов в прабалтийском, их структура оказывается идентична (табл. 1).

Таблица 1
Рефлексы ассибиляции и.-е.
нёбнопалатальных $*k', *g'$ и йотации $*t, *d$
в балтийских языках

$*k', *g' >$ лит. \check{s}' Д'	$*tj, *d^j >$ лит. б', (ѣ'
$*k \setminus *g' >$ латыш. s, z	$*tj, *dj >$ латыш. c, dz
$*k', *g' >$ др.-прусс. $s \setminus z'; s, z$	$*tj, *dj >$ др.-прусс. $c', dz'; c, dz$

То есть в обоих случаях в литовском имеем палатализованные шипящие, в латышском - непалатализованные свистящие, в древнепрусском - палатализованные и непалатализованные свистящие.

В праславянском подобной аналогии не наблюдается.

Процесс перехода и.-е. нёбнопалатальных в щелевые, благодаря своей важности, должен был оказать большое влияние на формирование фонетической системы балтийских и славянских языков; в прабалтий-

ском, как видим, это влияние более ощутимо. Возможно, изменение и.-е. нёбнопалатальных оказало меньшее влияние на систему праславянского консонантизма по системным причинам, поскольку для праславянского мы имеем, в сущности, отношения t, d и k, g, h (каково бы ни было происхождение этого h), а не t, d и k, g , что не позволяет аналогии действовать до конца. Кроме того, причиной может являться разное время йотации сочетаний $*tj, *dj$ (хронологическая разница в ассибиляции и.-е. нёбнопалатальных маловероятна).

Для праславянского данный процесс, безусловно, представляет собой позднее явление, о чем свидетельствуют совершенно разные рефлексы для разных славянских языков, в то время как для других аналогичных процессов рефлексы совпадают. В прабалтийском ситуация не столь очевидна. С одной стороны, в балтийских языках рефлексы также различны. С другой стороны, типологические данные свидетельствуют, что если в языке отсутствуют палатализованные, то йотация согласных не приводит к образованию таковых. В литовском языке исключительно $*tj, *dj$ развились в аффрикаты, в то время как остальные сочетания согласных с j дали палатализованные⁸. Это может означать, что во время воздействия на $*t, *d$ палатализации в литовских диалектах еще не существовало и тогда сочетания $*tj, *dj$ начали преобразовываться раньше других. В этом случае большее влияние перехода и.-е. палатальных в щелевые на процесс йотации $*t, *d$ именно в прабалтийском закономерно.

С другой стороны, даже если в цепи изменений прабалтийского консонантизма ассибиляция нёбнопалатальных и йотация $*t, *d$ находились рядом, это не объясняет полную структурную идентичность их рефлексов, ведь в любом случае между этими процессами должно было пройти много времени: с ассибиляции нёбнопалатальных развитие прабалтийского консонантизма начиналось, а йотация $*t, *d$ происходила

уже в те времена, когда различия между балтийскими диалектами были достаточно существенными. Возможно, на структурное сходство протекания указанных процессов повлияло как раз смешение $t // k, d // g$, которое должно было существовать уже на начальных этапах развития прабалтийского консонантизма. По-видимому, это был очень важный процесс, повлиявший на дальнейшие фонетические процессы и изменения; важность его обусловлена и шириной ареала, и древностью. Это смешение могло быть причиной схождения рефлексов ассибиляции $*k', *g'$ и йотации $*t, *d$. В праславянском подобное смешение не оказало значимого воздействия, во-первых, потому, что между указанными явлениями произошли другие, более важные для системы праславянского консонантизма, изменения, во-вторых, смешение, по-видимому, не имело столь широкого ареала распространения, как это было в прабалтийском. Можно даже предположить, что в праславянском это не было самостоятельным явлением, но возникло под влиянием балтийских диалектов.

Выводы

Смешение $t // k, d // g$ - одно из наиболее древних явлений в развитии прабалтийского консонантизма и примечательно тем, что, во-первых, следы его существования обнаруживаются в латышских и литовских говорах до сих пор, во-вторых, тем, что проявления его одинаковы в литовском, латышском и древнепрусском (в этом отношении данное явление является уникальным), наконец, это явление, по-видимому, оказало значительное влияние на развитие прабалтийского консонантизма (чем объясняется удивительное структурное сходство рефлексов ассибиляции индоевропейских нёбнопалатальных и йотации дентальных в балтийских языках). Что касается аналогичного смешения в праславянском, то оно могло проникнуть в праславянский из прабалтийского либо явиться следствием некой общей балто-славянской тенденции, которая могла возникнуть и до отделения праславянского и прабалтийского из праиндоевропейского.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Girdenis A.* Iš kur vis delto $t' / dV?$ // *Kalbotyros darbai II*. Vilnius, 2000. P. 290.
- ² *Дини П. У.* Балтийские языки / Пер. с итал. М.: ОГИ, 2002. С. 96.
- ³ *Супрун А. Е.* Праславянский язык. Минск, 1986. С. 12.
- ⁴ *Мартынов В. В.* Праславянский язык и его место в западнобалтийском диалектном континууме. Минск, 1988. С. 11.
- ⁵ *Rudzīte M.* Latviešu valodas vēsturiska fonetika. Rīga, 1993. L. 273.
- ⁶ *Saviciute G., Vitkauskas V.* Priebalsių t:k ifd:g maisymas Svendubres Snektoje // *Baltistica XII* (2). 1978. P. 146-149.
- ⁷ *Судник Т. М.* Диалекты литовско-славянского пограничья. М., 1975. С. 78.
- ⁸ *Чекман В. Н.* О йотации в праславянском и балтийских языках // *Baltistica XI* (1). 1975. С. 65.